

Случай на Весенне

Предречная Лонга. Лагерь под городом Саунт-Риер

– Струкцио¹!

Горн трижды вспарывает гомон лагеря, и веселое, злое возбуждение подкатывает к горлу. Помпа милитари² – так редко бывает, Максим не терпит впустую потрясать оружием, но как красиво! Ровные прямоугольники когорт, закованный в железо строй перед консульской площадкой, выпел со Львами рвется в ослепительно синие небеса. Как хорошо не знать, не думать, просто занять свое место – плечом к плечу с товарищами, а перед глазами – мощь и слава империи. Консул поднимает руку, и десять квесторов выстраиваются за его спиной. Сейчас Максим будет говорить, он скажет о походах и победах, о жалованье и наградах... и все поверят, а как же, конечно, поверят! Солнечный луч бьет прямо в лицо, приходится отвести глаза – в строю не прикроешься ладонью! – и зажмуриться вновь. Моешь голову солнечным светом, Север Астигат? Соратник-квестор улыбается краем губ, будто Иллариус задал вопрос вслух, а потом расправляет плечи. И сейчас совершенно не злит, что варвар чуть выше ростом, а сам – неизвестно, когда догонишь... Десять квесторов за спиной консула, как и положено от века, его надежда и опора. Все в алых с золотом туниках, и Северу так идет этот цвет, цвет власти – высокие скулы заливаются румянцем, и блестят темные глаза. Мы ведь сейчас думаем одинаково, верно? Потому Максим и поставил нас рядом, мой командир видит сердца людские лучше меня, и я не буду сомневаться! Сейчас ты мне друг и брат, и гораздо больше... ведь если брат касается осторожно твоей руки прямо в строю, на параде, тебе не хочется провалиться под землю или ответить пожатием. Осмелев, Север гладит подушечкой пальца ладонь, и солнце будто пробирается в тело, жжет и жжет все сильнее... никто не видит, никто не понимает, а я вот-вот упаду на колени. А горн вновь взлетает над лагерем, играя песнь победы... Максим оборачивается и что-то говорит, а я не понимаю, и Север тоже не понимает, но согласно наклоняет голову, и я киваю тоже. Твой приказ понят, консул! Но не сейчас, сейчас – только мы. Бежим? И срывается с места алая стая – до леса рукой подать, высокая трава хлещет по коленям, и вот уже малахитовая темень, и тут начинается дождь. Проливной, солнечный – такие бывают только в начале лета. Струи пронизаны светом, искрятся мириадами счастливых огоньков. Хочется смеяться и петь, хватать эти струи и тянуть ко рту. Мокрая горячая тяжесть прижавшегося тела, шепот прямо в ухо:

– Хочешь, напою тебя? – не успев подумать, Иллариус кивает и приоткрывает губы нетерпеливо. Дождевая вода на вкус холодная и свежая, губы Севера – как солнечный ветер, тугие и жаркие. Они целуются, а между ними вода, потоки воды, и ноги уже вязнут в лужах... неважно! Туники промокли насквозь, хочется стащить одежду с себя и чувствовать нагое тело, и свое собственное – лишенное разума, только неожиданным счастьем живущее... Север отступает, поднимает руки и тянет с себя тяжелую алую ткань, отшвыривает прочь повязку с бедер. И вот стоит нагой под ослепительными струями дождя. Я никогда не смогу быть таким, как ты, дитя леса, рожденное для бега под этими деревьями, но я постараюсь, если ты мне поможешь. Схватить протянутую ладонь и смотреть, смотреть... вот Север расставляет шире ноги, точно большая кошка, выгибаясь, нежится под лаской дождя и солнца, и капли скользят по телу. По загорелой золотистой спине, гибкой мальчишеской талии... Лонг встряхивает головой, и мокрые пряди падают на плечи, а шальные капли не думают остановиться. Струйка воды находит себе дорогу

¹ Струкцио! (ривск.) – Стройся!

² Помпа милитари (ривск.) – военный парад.

между приподнятыми призывно полушариями, а Север смеется. Никто, никто, даже дождь не смеет касаться тебя там! Не позволю отобрать то, что сейчас мое! Вот так, прижать его к себе – сильного, покорного... Податливость, с которой Север отвечает на объятье, сводит с ума, и с гортанным стоном Иллариий сжимает ладонями ягодицы лонга, закрывая путь наглым каплям. Ничего не получите – мое! Миг – и оба в высокой траве, она смыкает над ними зеленый покров, и Иллариий вздрагивает от яростных касаний губ на горле... Я ревную тебя к дождю, к траве, солнцу, ревную и безумно хочу... не знаю, чего хочу! И сделать своим, и самому принадлежать тебе – я не могу решить! А вода падает с неба, торопя, подгалкивая, ладони скользят по мокрым плечам – быстрее, быстрее... Иллариий одной рукой прижимает Севера к себе, а другой, замирая от собственной смелости, гладит пах лонга, с ликующей радостью чувствуя упругое желание в своей ладони... и, глядя прямо в омытые дождем темные камни, что сейчас нельзя назвать человеческими глазами, медленно приподнимает собственные бедра. Я не могу решить, потому – только так. Он раздвигает ягодицы врага и, наслаждаясь дрожью испуга, проталкивает в тело сразу два пальца. Ну же, сделай со мной то же самое! Хриплый вскрик боли, голода, восторга – всего сразу. Я так хотел этого – держать тебя в своих руках, стать твоим хозяином и твоим рабом, возьми меня в плен, возьми меня!..

Плоть входит в него, почти разрывая отвыкшие от вторжения мышцы, и приходится заставить себя прекратить самую смелую ласку, а ведь так сладко чувствовать, как сжимается вокруг его пальцев узкое нутро... Толчок за толчком – скользкая трава под спиной мешает стать еще ближе, принять глубже... Иллариий завел руки за спину, приподнялся и, откинув голову, сам толкнулся вперед – между его бедер точно билась сама жизнь, ее жестокая суть, и вот плоть проникла туда, куда нет хода, если не знаешь Любви... Болезненно-яркое, давящее чувство заполненности, и все яростней двигается рука на собственном члене, дождь смешивается с семенем, и Север торжествующе шепчет прямо в искусанные губы:

– Наконец-то я поймел тебя, неженка!

Свитки посыпались на пол, туда же ухнула плошка с мастикой, а стилос чуть не угодил острием в колено. Проклятье! Иллариий вскочил с ложа, быстро огляделся – никого. Он один в зале совета – заснул над свитками, дурак! А теперь вот – перепачканная семенем одежда и мучительный стыд. Да легче умереть, чем кто-нибудь узнает!.. Дождь, солнце, алые туники и обладание... подставил зад варвару, ну пусть лишь во сне, но... вот так и понимаешь, отчего некоторые сумасшедшие отрезают себе плоть, дабы мужское естество не изводило их недостойными порывами. Лучше б его Гай Арминий поймел, да кто угодно!.. Нужно смыть семя с себя и сменить одежду, пока кого-нибудь сюда злые духи не принесли. Сдвинуть ноги отчего-то было почти невозможно – проклиная все на свете, старший квестор консула Максима двинулся к бадье с водой. Здесь все по-походному: купальня лишь одна, для консула и его десяти квесторов, да и та находится ближе к спальням. Придется мыться здесь, и побыстрее... мошонка ныла ужасно – как всегда без полного удовлетворения, и между ног тоже болело – та сокровенная мужская суть, которой непременно нужно отведать плоти другого мужчины, так учат жрецы. Но он не процед, не уличная шлюха и не позволит желанию командовать собой! Да еще столь низменному, непозволительному желанию. Смыв белое и липкое с бедер и ладоней, он кое-как оттер мокрой тряпкой тунику и, выругавшись, вылил ковш воды себе на голову. Не слишком-то помогло! Лицо горело, кажется, даже уши жаром налились. В деревянной галерее загремели шаги, и Иллариий торопливо сел за стол, надеясь, что его «купание» спишут на удушающую жару – стоял месяц трав, и солнце палило нещадно. То-то ему дождь привиделся...

– Квестор Каст! Потрудись-ка объяснить, – какое счастье, что это не кто-то из «гусаков» и не сам Максим! Всего лишь командир Первого легиона Исмений Лорг. – Мои люди вернулись сегодня. Они едва унесли ноги с высохшего русла! Трезены налетели на них, будто саранча, а на вашей карте нет даже следа их вонючих стоянок. Твои пометки врут.

Исмений был неплохим человеком, зря б он не стал ругаться. Стараясь взять себя в руки, квестор выпрямился, отодвинул свитки от себя. Карту они делали вдвоем с Астигатом, но заявить, что ошибся проклятый варвар, разумеется, было невозможно. Иллариус Каст – старший и отвечает за все действия квестуры: за попойки Гая, сплетни Сильвия, обжорство Лоллия, тупость Валерия и наглость Севера. Да к тому же, варвар не может ошибаться, ибо в принципе не умеет думать, значит, это вина квестора Каста.

– Покажи мне карту, благородный Лорг, – жарко-то как! И мерзкий сон не желает уходить, путает мысли вязким дурманом. – Я отлично помню сведения разведки. На триста риеров вокруг высохшей реки никто не обнаружил трезенов.

Вот только размякни с этим несусветным нахалом – и тут же получишь сполна! Вчера они с Астигатом сидели вдвоем в кабинете Максима и под конец даже начали разговаривать. Точнее, начал Север, сам Иллариус, конечно же, и рта б не раскрыл – много чести! Варвар придвинул к нему низкую табуретку, они почти касались друг друга коленями и, перебивая, тыкали пальцами в карту. Увлечшись, Иллариус даже рассказал неучу о том, как можно поставить вокруг Саунт-Риер баллисты и куда их ставить нельзя, потому что почва рыхлая, на севере Предречной кругом вода: то болота, то мелкие, пакостные речушки. Втащишь баллисты, а их тут же смоем. Север заспорил, доказывая, что вот если там доски положить... Доски, надо же! На досках долго не продержишься. Наглец заявил ему: «Видно, ты никогда не знал, что значит сидеть в осаде и ждать, когда трезены придут и тебя сожрут. И нечего мне своим возрастом тыкать и старшинством в квестуре! Что ты будешь делать, квестор Каст, если жилы животных на баллисте придут в негодность?» – «Другие жилы искать!» – «А если всех коров уже слопали?» – «Ну, тогда... тогда...» Север вдруг дернул себя за волосы и засмеялся: «Отрезаешь собственные патлы, неженка, и прикручиваешь, понял? Лучше, конечно, женские – длиннее». Издевался, гадина! Иллариус не сразу нашелся с достойным ответом, и тут вошел консул. Вот почему Максим всегда поступает так? Нет бы, поставить варвара на место! Консул согласился с Севером и даже, к ужасу Иллариуса, рассказал, что имперские матроны в осажденной крепости Пеллур в Абиле приносили воинам свои волосы, чтобы те могли сменить истрепанные в битве жилы. Но не успел варвар раздуться от гордости, будто лягушка, как консул задал им вопрос: «Отчего нельзя установить баллисты с северной стороны Саунт-Риер, даже не будь там топей?» Оба замолчали, соображая, и Иллариус додумался первым: «Потому что наклон холмов не пригоден для стрельбы!» – «Верно», – одобрил консул и улыбнулся ему. А когда Максим улыбался... Иллариус думал часто, что за улыбку командира кинется в огонь, и казалось, варвар тоже так считает, потому что Астигат аж позеленел от обиды. «Рассчитайте мне оба угол наклона, потребный для стрельбы с земли», – приказал им консул, и полчаса они пыhtели над свитками – на неумение Астигата писать консул скидки не делал, и потому все записи пришлось вести Иллариусу, да и чертить к тому же. В конце концов, Север заявил, что при нужде он поставит баллисты «на глазок». «А воинам своим тоже «на глазок» станешь объяснять? – усмехнулся консул. – Ты должен запомнить и угол метания камней, и дальность поражения; усвоить главное: без описания собственного опыта военных действий наука битв стоит на месте, не развивается. Каждое поколение воинов будто все

открывает для себя впервые – так не годится. А теперь я расскажу вам о карробаллистах³, вы оба их почти не видели, между тем, поставленный на повозку тяжелый лук производит отменные разрушения в стане врага. Сколько нужно человек, чтобы обслуживать карробаллисту, Север?» Варвар молчал, и Илларию стало почти жаль его – лонги редко использовали конницу, откуда Астигату знать о карробаллистах? «Нет ничего постыдного в незнании, – Максим отвернулся от них и подошел к поставцу с вином, – но горе тому, кто не желает познавать нового». Воспользовавшись тем, что консул не смотрит на них, Илларий прошептал быстро: «Одиннадцать», – и столкнувшись с непонимающим взглядом серых глаз, повторил: – «Одиннадцать человек!» Кажется, Астигат в его подсказку не поверил, зато Максим заметил уловку: «Отлично, квестор Каст, а вот представь себе, что ты командуешь Первым легионом, а квестор Астигат – Вторым. И как же ты станешь слать свои подсказки? Гонять легионеров под стрелы врагов? Стратег полагается только на себя самого, усвойте истину сию! Только собственные знания, своя голова на плечах и уверенность в поступках принесут победу. К тому же, Лар, это только тяжелая карробаллиста требует одиннадцати человек прислуги. Так-то, мальчики, а теперь слушайте...»

Исмений Лорг возился недолго, и когда стол перед ним заполнили принесенные воинами свитки, старший квестор тяжело вздохнул. Он помнил все эти значки наизусть, но чтобы вычислить, отчего произошла ошибка, придется вновь вызывать разведчиков и вместе с Севером перепроверять все сведения...

– Посмотри: вот эта территория, между пересохшим руслом и Весенной; мы хотели встать здесь лагерем, и ты заверял, будто трезены поблизости не обнаружено, – Исмений обошел стол кругом и склонился над Илларием. – Знаешь что? Давай-ка возьмем декаду или две и съездим, займет всего дней двадцать. Уж больно мне любопытно...

Исмений был прав: проверить стоило. К тому же, одно дело – глаза и уши разведчиков-варваров, другое – собственные. «Вечно ищешь подвох там, где его нет», – шутил Максим. Командир легиона придвинулся ближе, легко оперся на плечо Иллария, и старший квестор дернулся. Ну отчего он так глупо создан, отчего?! У него уже год никого не было, кроме Серхии, но куртизанка далеко, в Риер-Де, а с мужчинами не хотелось. Все они – совершенно не то, вот только в сны приходят, не спрашивая...

– Ну чего ты дрожишь, Илларий? – шепнул командир ему на ухо. – Разберемся со всем быстро: куда ушли трезены и где еще раз ударят; и назад. Не бери свою палатку, я прикажу воинам взять «двойную», спать будем рядом... а жаловаться консулу на ошибку я не стану...

Не успел Илларий представить, как они будут спать вдвоем, как гул голосов прервал невеселые раздумья. Исмений Лорг был красив, приятен в общении, но желания вызывал – ровно бронзовая табуретка. Дурак! Давно пора завести любовника, иначе от наваждения не избавиться. Жрецы правы: мужчине нужен мужчина, хотя б иногда, недаром придуман Ка-Инсаар... и уж лучше спать с Исмением, чем... ну конечно, наглый лонг не придумал ничего лучше, чем ввалиться в зал впереди консула и остальных

³ Карробаллиста – род метательной машины, установленный на конную повозку стреломёт. «Обычно каждая цензурия имеет свою “карробаллисту” (баллисту, поставленную на повозку), к которым приписываются мулы для перевозки и по одному человеку из каждой палатки, т.е. 11 человек, для ее обслуживания и наводки. Чем эти баллисты большие, тем дальше и сильнее они бросают стрелы. Они не только защищают лагерь, но и в поле они ставятся позади тяжеловооруженной пехоты. Силе их удара не может противостоять ни вражеский всадник, одетый в панцирь, ни пехотинец, защищенный щитом. Таким образом, в одном легионе обычно бывает 55 карробаллист» // Вегетий Флавий Ренат. «О военном деле», кн.2, гл.25.

квесторов, и при виде Астигата у Иллария даже пальцы на ногах поджались. Отчего-то он ждал, что Север будет в той же алой с золотом тунике, что и во сне, но на варваре оказалась обычная рубаха из светлой шерсти, перехваченная на талии широким кожаным поясом, и высокие сапоги. Осталось лишь быстро опустить глаза, но Илларий тут же об этом пожалел – золотистый пушок на коленях Севера никогда не способствовал душевному равновесию старшего квестора. Илларий с досадой повел плечом, освобождаясь от руки Лорга, и встал перед Максимом. Сейчас он избавится от всех них разом, потому что поедет в разведку сам!

– Консул! – Илларий прижал кулак к плечу, потом к бедру, – командир Первого легиона докладывает о неверных сведениях разведки. Трезены обнаружены в пересохшем русле реки, отряд благородного Лорга подвергся нападению и...

Максим не дал ему закончить. Оглядел гомонящих квесторов: и уже кого-то задирающего Гая, и жующего Лоллия, и хохочущего Сильвия – те разом примолкли.

– Ты и Астигат третьего дня доложили мне о том, что трезены не покидали своих стоянок в Залесье⁴. Как это понимать? Лорг! – пока командир легиона докладывал о неудачной разведке, Илларий думал: не обойтись им без выволочки. Хоть бы Астигат промолчал! Но, разумеется, ждать от варвара понимания было совершенно бесполезно. Перебив Исмениа на полуслове, Север буркнул:

– Консул, позволь? – квестор Астигат всегда слишком буквально воспринимал положение, согласно коему квестура стоит выше командиров легионов, ибо помогает консулу в его многосложных трудах, а старший квестор обязан встать на место убитого правителя провинции. На деле консулов заменяли командиры легионов, да и веса в армии они имели больше. Мальчишки-квесторы – всего лишь уступка традициям братья на обучение сыновей своих товарищей, и дело их – учиться. Ну и по возможности приносить пользу.

– Нет там трезенов! Нет, и не было. У твоих воинов, благородный Лорг, от страха видения случились, – Север расправил широкие плечи и угрюмо покосился на Иллария. – Между Залесьем и Весенной – полторы сотни риеров, да еще до пересохшего русла – тридцать или сорок, как бы людоеды там так быстро очутились? Декаду назад нам донесли: сидят себе в Залесье, носа не показывают...

– Что значит «тридцать или сорок», квестор Астигат? – в гневе Максим менялся совершенно, и благослови его ярость Мать-природа! Илларий еще помнил бурный совет в Кадмии, когда только убийство Максимом одного мерзавца спасло их всех от резни. Консул просто разmozжил голову негодяя о стену. – А может, еще скажешь: шестьдесят? Или вся сотня?

Север вытянулся во весь рост и гаркнул:

– Тридцать, консул! – ох, что-то тут было не так, определенно не так! Но... ошибка Севера – твоя собственная ошибка, и потому Илларий кивнул:

– Тридцать, благородный Гней, – Максим повернулся к нему, и под взглядом твердых карих глаз Илларию захотелось вжать голову в плечи. Не будь здесь соратничков, он бы так и поступил.

⁴ Залесье – условная граница территории трезенов в Предречной Лонге.

– Врут они все, консул, – Гай Арминий, как всегда, растягивал слова, – поленились проверить, неизвестно, чем они целыми днями занимаются... От Весенны до русла – рукой подать. А вот к югу есть лес, там трезены и могли засесть...

– Какой лес? Чего городишь? – тлеющая вражда дремала под шутками и совместными попойками: Гай и Север ненавидели друг друга по-прежнему. Отчего это радуется? Оттого, что Лонг меньше времени проведет с ненавистным «гусаком»? – До самого Залесья одна равнина, остолоп!

– Молчать! – от грозного рыка вздрогнул даже Исмений, хотя командир легиона ровно ни в чем не был виноват и пострадал больше всех. Максим шагнул к столу и буркнул: – Карту мне! Способен кто-то объяснить, что вы там намалевали?

Север быстро подошел к столу и встал рядом с Илларием, а того душил стыд. Кто-то из них ошибся, переключив вину бесполезно... Максима это разозлит еще сильнее, да и противно прикрываться товарищем... никакой варвар тебе не товарищ! Иллариус Каст не виноват в том, что консул Максим неведомо зачем возится с неграмотным дикарем, который еще имеет наглость сниться в таких снах... Но они делали карту вместе!.. А пропади все пропадом!..

– Консул, позволь? – Астигат взял стилос и показал точку на карте, от которой веером расходились стрелки – намеченные ими безопасные пути для отрядов. – Вот здесь – русло реки, южнее – сплошная равнина, прятаться там совершенно негде...

– Откуда ж тогда взялись трезены? – лениво протянул Арминий, а Астигат с такой силой ткнул острием в пергамент, что казалось, пришил карту к столу.

– Я тех местах бывал, консул. Давно, правда, но нет там укрытий. Если мы дойдем до Весенны, все выяснится...

– И дойдете, – кивнул Максим, – вот все вместе и дойдете. Местность намечена для обороны, а вы понятия не имеете, что там есть: леса, реки, а может, вовсе море? И дельфины резвятся? Говоришь, бывал там, Север? Вот ты и отвечаешь за составление новой карты, а квестор Каст – за весь отряд. И чтоб через две декады вернулись!

Река Весенна

Сильвий хмыкнул в темноте и потянул на себя меховую полость. Эта палатка досталась им на троих, но Лоллий ушел пить с Арминием, и потому Север блаженствовал. Ну, если не думать о том, как он наврал консулу и что теперь делать. Да-да, и про сволочь стриженную не вспоминать! Ишь, отхватил себе палатку командирскую, на самом высоком холмике ее поставил и спесь свою надул. Носа не показал с тех пор, как ночь спустилась. Наглумили они с Ларом вместе, а шкуру Максим спустит с одного Севера. Ну кто ж за язык тянул врать? Север бы и не полез, да больно уж противно командир легиона Иллариус лапал... Тоненький, легкий, сильный, точно тетива натянутая, красивый... как такого не лапать? Уй, не надо, не надо!.. Начнешь себе Лара представлять – не остановишься. Сильвий вдруг выругался и сел:

– Слушай, Астигат, и не надоело тебе? – в темноте лица квестора Аэция было не разглядеть, но нетерпение Север угадал безошибочно. – Арминию ты отказал? Отказал! Станешь процедур покупать? Так здесь их нет!

– Зато ты есть, – решил все же Сильвий! Но сейчас Севера победа не радовала. Еще месяц назад они поспорили – вчетвером, как водится, – на задницы друг друга. Арминий первый проигранный спор предпочел забыть – а ведь Север его тогда перепил! – и предложил спорить по новой. Продул имперец и вторую попойку, а вот Сильвия, выбывшего из игры на втором десятке бутылок, видать, споры утомили... ну что ж, задница у Аэция – ох, хороша! Жаль, в темнотище видно плохо! Но вот потрогать горячее, гладкое – в самый раз.

– Жребий бросим? – Север уже мял ягодицы соратничка, и потому смысл вопроса дошел не сразу. – Давай, свет зажжем и...

Не будет никаких жребиев, дурень веснушчатый! У Сильвия мордашка подкачала, зато тело было ладным, словно нарочно для забав созданным. Ну и чего с ним эти... церемонии разводить, чай, не Иллариус! Так что всадить сейчас по самые яйца, и дело с концом – тем более, сам решил, предложил! Он перевернул Сильвия на живот, подsunул под бедра скомканное одеяло и навалился сверху. Квестор наподдал задом, заворочался под ним:

– Да погоди ж ты, вот дикарь! У меня масло есть! – Север коротко хохотнул в жесткий ежик волос. Масло с собой в поход взял! Трезены все едино так сожрут, не поморщатся, а перед этим скопом отведают иного угощения... трезены, даааа... вот же дурак ты, Север Астигат, и не остановил никто, а теперь по твоей милости... да пусть все остальные, во главе с Арминием в Стан мертвых угодят, но Лар же, Лар тут!..

– Ну, тащи масло свое, – Сильвий извернулся змеей, потянул на себя походную суму и что-то достал оттуда, сунул в руку холодную склянку, но Север приказал ему: – Сам мажь. Не люблю я эти ваши... выкрутасы имперские. Зад – и тот бережете...

Но все же скатился с Сильвия, сияясь разглядеть в темноте, как тот смазывает себя. Запахло чем-то сладким, и Аэций вздохнул удовлетворенно.

– Можно теперь? – Сильвий вновь молча улегся на живот, приподнял задницу – ласкать себя начал, точно. Север привстал сзади него на колени, нащупал скользкий от масла вход и, не утруждая себя ласками, вставил: так сильнее член сожмет, если не растягивать! Аэций взвыл под ним, пытаясь вырваться – ну все они так, «нижние»... на всех обрядах похоже было. Вначале от боли воют, потом от удовольствия. Сильвий не девственник, переживет.

– Больно же! Пусти ж ты, дикарь, больно! – сунуть глубже не удавалось, Аэций сжался, будто его впрямь трезены насилуют.

– Да ты что? Мужчин до того не знал? Расслабься, говорю! – парень принялся бить задницей, точно конь – крупом. Тьфу! Север выпустил мокрые от пота бедра и выругался:

– Пошел ты! Не хочешь – не лезь, спать не мешай.

Сильвий извернулся на одеялах, сел и зашептал:

– Хочу, сил нет терпеть – хочу! Но больно! – легко толкнул Севера, вынуждая опереться спиной на их мешки и свернутые плащи, проворно взобрался на колени. – Давай так попробуем...

Присел на корточки, обхватил северову плоть ладонью и сам себе вставил – только выдохнул тяжело. Хорошо как у него внутри! Тесно и сжимает, будто кулак... у Лара так же? Не узнать, никогда не узнать. Иллариий – не подстилка какая-нибудь, не даст... вот Исмению Лоргу дать наладился, да выкусите вам!.. Будешь теперь вместо объятий командира легиона по болотам лазить, ха! Уж наверняка не спит неженка в палатке, от комарья отбивается... А Сильвий нажал сильнее, опустил полностью – зад принял член, как нож в тесто вошел, – откинулся в руках, застонал протяжно.

– Света мне больше не увидеть... давно тебя хотелось, – и мне хотелось, да не тебя, а что делать? Не гонять же вечно в кулак? Север взялся за подрагивающие бедра и прошептал в шею Сильвия:

– Давай, задом покрути, легче станет, – тот подчинился, заерзал на нем, каждым движением насаживаясь глубже. Привык, кажется? Прежде чем Аэций успел возразить или помешать, Север опрокинул его на одеяла, вновь придавил распаленное тело собой – так куда привычней! – и всадил, уже не церемонясь. Соратничек опять взвыл, но член вошел свободнее, а Сильвий тут же принялся подмахивать. Всякий раз, как плоть заполняла его до конца, Аэций вскрикивал, и от этих криков кругом шла голова. Север приподнялся на одной руке, второй придавив поясницу Сильвия, чтобы тот не слишком рьяно дергался, и сказал громко:

– Ну, теперь держись! – кончить он еще долго не сможет – давно никого не было, а все Иллариий... злые, упрямые глаза, брови вразлет, скупая улыбка... Север драл вихляющий зад яростно, ни в чем себе не отказывая, а Сильвий напоследок даже в свою ладонь зубами вцепился, а другой ласкал себя рывками – и кончил сильно, с утробным стоном, так задницу сжав, что Север не выдержал и спустил тоже. Потом они лежали рядом, и Аэций жаловался: больно, мол. «Флягу не закрыли да опрокинули... Принеси воды! Ну принеси же, Астигат, что тебе, жалко? А еще лучше – вина».

– Вернусь, продолжим, – полог палатки скрыл от него Аэция, в лицо пахло ночной свежестью. Сейчас он посмотрит, чего Иллариий там в своей палатке делает.

Может быть, рассказать Илларию правду? Ведь и впрямь поставил отметку на карте «на глазок», потому что сведения разведчиков были путанными, а карту сдать консулу хотелось поскорее. Сам себя обманул! Максим – далеко, в безопасности Саунт-Риер, а они тут таскаются и неизвестно на что напорются. Отец бы убил за такое... а консул просто посмотрит эдак... и сразу пустым местом себя чувствуешь, дышаешь без плетей и без виселицы. Север представил, как он сейчас признается заносчивому неженке в том, что никогда не бывал в здешних местах, да и значки на карте перепутал намеренно и... морду б начистить аристократу! До чего же руки чешутся, да и не только руки. Войти сейчас в палатку, повалить лицом вниз и ласкать, ласкать до одури, пока Иллариий сам не запросит. Хочет же аристократ его, как бы варваром ни обзывал! Трусишь ты, Север Астигат, отказа боишься. И потому не жалуйся, что лишь подстилка Сильвий рядом такой ночью... какая ночь хорошая! Звезды в густой черноте – размером с кочан капусты, луна низкая, и воздух пахнет лесом, влажной травой. Он остановился, оглядел лагерь: в палатке Арминия было тихо – выпивохи угомонились, у второй тоже полог задернут, а караульный квестор Деций дремлет у потухающего костра. Мелькнула мысль проверить посты, которые Иллариий вечером выставил: два легионера сопровождения у кривой сосны, двое – вверху у реки; да ведь неженка до смерти оскорбится, что в его дело лезут. Оскорбляться Иллариий умел знатно – потом декаду разговаривать не будет, а Северу белый день Станом мертвых казался, когда Каст на него сердился. Сидит и молчит, точно

пень обледенелый! А рот откроет, так сразу заткнуть хочется. Глаза – зимними озерцами, нос задрал, и вперед – изрекать. Бестолочь! Недавно Север видел одну штуку. Максим как-то сходил посмотреть, как квестура во владении мечом упражняется, и похвалил Севера за умение не только гладий в бою использовать, но и родную спату. Так Иллариий пошел к разведчикам-лонгам просить, чтоб его тоже научили! Видали такого остолопа? И чего у самого Севера не попросил?..

Полог палатки Иллариия был задернут, и Север остановился, прислушиваясь. И куда ж неженку унесло? Отлить пошел? Север бы ни за что не объяснил, отчего уверен, что Иллариия в платке нет, но безошибочное чутье лесного жителя кричало об этом на все голоса. Потому он поднял полог, оглянулся воровато и вошел внутрь. Вином не пахнет, лишь слабо тянет травяной горечью... ну и где ж ты, Лар? Север пошарил по одеялу, рука нащупала что-то мягкое – никак нижняя туника, шерстяная. Он прижал к лицу тряпку, она пахла Ларом... всхлипнул сквозь зубы и, разозлившись внезапно, отшвырнул рубаху. Иллариий первый же на него накинется, как обман всплывет! А что всплывет, Север не сомневался – завтра отряду идти дальше, а он местности не знает. Что там – к югу от Весенны? Неведомо. Он выбрался наружу, еще раз оглядел лагерь. Вроде и придраться не к чему, но беспокойно как-то. Точно в спину зверь пялится...

Сильвий заснуть и не думал и, напившись воды, принялся учить Севера целоваться. Ну вот еще, придумали! Зачем мужику с мужиком такие нежности устраивать? Жену целуют, невесту... хотя вот с Ларом б он не отказался! А у Сильвия губы были каким-то цыплячьими, шероховатыми, словом, они не столько целовались, сколько гоготали, затыкая друг другу рот. Потом Сильвий сказал, что у него уже все едино задница – точно ворота крепости и почему б им еще раз не попробовать? Северу жуть как хотелось вначале сходить проверить, вернулся ль неженка к себе, но он удержался. Конечно, вернулся, куда аристократ денется? А заметит внимание к себе, начнет губы поджимать. Потому Север поставил дружка на четвереньки и объездил по второму разу. Теперь они не торопились и удовольствия получили больше – и свалились на одеяла разомлевшие, довольные... засыпая, Север услышал какой-то низкий гул, но отмахнулся сердито. Его и так наутро весь лагерь на смех поднимет, нечего загодя скакать, позориться.

Как гадина только посмел?! Как они оба посмели?! Война, кругом враги, консул их послал в разведку и очень ими недоволен, а они, что они делают?! Все Сильвий виноват! Подстилка ненасытная! Аэций Севера соблазнил, ну конечно! Сам бы варвар не стал... ой, врешь, стал бы, еще как! Иллариий зацепился за что-то острое бедром и остановился. Высокие своды кружились над головой, норовили задавить. Куда он попал? Метнувшись испуганно, он увидел меж деревьев пламя лагерного костра, но вместо облегчения только сильнее затрясло. Да он же до смерти теперь не забудет стоны и возню тех двоих... и мчался вниз по склону, не разбирая дороги, от омерзения дышать не мог. Гадость какая, Мать-природа, какая гадость несусветная! Сильвий так вскрикивал... хорошо ему было... и Северу тоже: «Ну, держись теперь!» – и низкий сытый вздох.

Иллариий медленно осел на землю, зажал уши ладонями – не помогало. Ничто теперь не поможет! Он их слышал, почти видел, чувствовал, как жесткие ладони сжимают бока шлюхи... мерзкая дрянь, тупая гадина Аэций!.. Вернуться, распахнуть полог, придраться к пустяку и убить – прямо в лагере. И пусть потом что угодно говорят и думают. Но кого убить, кого?! Сына уважаемого в Гестии человека или дрянного варвара, посмеявшего дарить себя, свое тело... другому. Да какая ему, Илларию Касту, вообще разница, с кем спит проклятый варвар?! Должен же он с кем-то спать, почему не с Сильвием? У Аэция хватило смелости, решимости сделать то, что хочется... только не

место и не время этим заниматься, оттого Иллариий так разозлился. Он отвечает за всех этих дураков, перед консулом отвечает! А они... они... Север, гадина!.. Иллариий прижал руку к груди, силясь унять бешеный стук сердца, потом притиснул обе ладони к животу. Нутро переворачивается, как вспомнишь! Да еще сон дурной, запретный – там, в палатке, все было так же, как во сне с дождем? Сильвий с Севером украли его мечту... хотелось плакать. Зарыдать, убить или!.. Ярость рвалась на волю, пришлось придавить ее сильнее, и ладонь легла на напрягшуюся под туникой плоть. Его трясло, холодный пот выступил на висках, и капля потекла по щеке... Вскрик Сильвия, когда ему всадили... Иллариий, вообразив раскаленную твердость между ног, шире развел бедра и задвигал рукой. Он кончил мгновенно, содрогаясь от жгучего стыда, но ярость пропала, пришло тупое опустошение. Никому ты не нужен, а меньше всего – Северу. Варвар совершенно его не знает, но выводы уже сделал и наверняка считает, что Каст скучен до невозможности, раз не пьет вино бочками и не вертит задом. Вон Сильвий повертел и добился... Позор, страшный позор думать о таком! Пусть варвар хоть медведя тут дерет, нет и не будет тебе до этого дела!

Иллариий с трудом добрался до своей палатки на вершине небольшого холмика, мельком глянул на реку – Весенна спокойно катила свои буруны. Заставил себя не смотреть в сторону палатки разухабистой парочки и, войдя внутрь своего жилища, ничком свалился на одеяла. В сотый раз повторив себе, что его ничто не волнует, кроме приказа консула, поджал ноги к животу, закрыл руками голову, и тут ночную тишину разорвал истошный вопль:

– Вода! Запруды прорвало!

Лагерь стремительно заливало – это Иллариий понял сразу, едва откинув полог, – и лишь его командирское жилище гордо возвышалось над сошедшей с ума Весенной. В последней вспышке погасшего костра старший квестор увидел торчащую из воды ногу и кинулся вниз. Что-то, будто тараном, ударило под колени, он едва успел вытянуть руки, чтобы предохранить себя от удара, и мутная волна накрыла его с головой.

– Слушай, сказать чего хочу, – Иллариий давно заметил: волнуясь, варвар начинал говорить куда менее правильно, чем обычно. И неудивительно! Пережив такую ночь, вообще можно разучиться разговаривать. Свисающие грязные пряди, заляпанные зеленою штаны, огромный синяк на скуле – Север походил на болотного духа. Иллариий подозревал, что сам выглядит еще хуже – разбитая Гаем Арминием губа распухла и кровоточила, а туника совершенно потеряла цвет. Напившийся ночью племянник претора ни в какую не желал быть спасенным и отчаянно отбивался от тащивших его Иллариия и Лоллия. Теперь пить было нечего, и трезвый Гай требовал публичной казни старшего квестора или, по крайности, порки. Да что там! Иллариий сам готов был повеситься на первой же сосне, но, как верно говорил Максим, у командира собственного горя не бывает. У квесторов не осталось ни припасов, ни снаряжения, да и оружие сохранили лишь трое: Север с Сильвием, чья палатка стояла в стороне от главного потока, и они успели выскочить, хоть и голыми, но с мечами в руках, да Деций, дремавший у костра при полном вооружении. Спасшиеся на деревьях legionеры сопровождения поглядывали на перепуганных, перемазанных грязью юнцов без всякого сочувствия. Что ж, приходилось признать вину, свою вину! Не проверил запруды, бегал по лесу, как последний дурак, подглядывал за чужими постельными играми... а потом... Иллариий даже смотреть на Севера не мог. Ему казалось, будто лонг каким-то образом догадывается о терзающих соратника мыслях, и это было невыносимо! Любой воспитанный человек понял бы, что с ним не хотят

говорить, и убрался, но Север продолжал топтаться около и таращиться на Илларию из-под грязной челки.

– Чего ты хочешь? – варвар самолюбиво задрал подбородок. Врезать бы по наглой роже! Все из-за него, и позору теперь не оберешься. Поставили старшим Илларию Каста, так он чуть подчиненных не утопил и, главное, загубил разведку. Что он доложит Максиму? Прости, консул, я под деревьями в кулак гонял, потому пришлось вернуться, чтоб не околесть с голоду в диких лесах? Никогда он Северу этого не простит и не забудет! Мать-природа, как будто лонгу есть до прощения и прочих чувств Илларию Каста какое-то дело! Белобрысый оскалился, ну точно зверюга, вот-вот укусит.

– А ты что нос дерешь, неженка? – прошипел варвар. – Я по делу сказать хочу.

– Ну так говори, квестор Астигат. У меня много дел, – нужно просто держаться от него подальше. Только драки тут не хватало. Север вдруг схватил его за локоть и потащил прочь от поляны, на которой они остановились, сбежав от потопа. Не успел Илларию вырваться, как лонг прижал его к дереву, встал так, чтобы прочим их не было видно и сунул прямо в лицо какой-то обрывок кожи. Широкая, криво продубленная лента, и нацарапано что-то, точно острием...

– Видал?! – Астигат встряхнул у него перед носом воняющим тинной обрывком. – Это я нашел час назад у кривой сосны. Дел у него, видишь ли, много! Сюда смотри, дурак благородный!

– Эй, вы чего там, голубки? – Гай Арминий, по пояс голый, сидел на мокрой траве, обматывая ступни какой-то тряпкой. – Сам пороть нашего умнейшего и храбрейшего командира хочешь, Астигат? Я не согласен! Тащи его сюда – вместе выпорем.

– Именно, – глумливо хихикнул Лоллий, – завел всех неизвестно куда, да еще и запруды проспал. Пороть! Север, хватай его!

Илларию дернулся, пытаясь вырвать руку – с квесторов вполне б стало устроить ему порку, сразу после потопа они едва его не избили! Но Астигат держал крепко и, не ответив на призыв товарищей, поволок Илларию дальше в лес. И все равно сквозь листву старший квестор видел, как Сильвий напоказ похлопал себя по голой сытой заднице... а он-то считал, что хуже, чем яд в кубке из рук родной сестры, и быть ничего не может! Презрение товарищей, грядущий позор от Максима и наглый варвар, отчего-то предпочитающий шлюху... Ну уж Астигату он своей слабости не покажет. Илларию резко остановился, вырвал странный обрывок у Севера и, стараясь, чтобы голос не дрожал от обиды, буркнул:

– Ну и что в этой коже примечательного? Кто-то потерял пояс, только и всего...

– Потерял, – с расстановкой произнес Север, – вот только кто же? Это трезенские руны, Илларию.

Сердце екнуло и замерло. Назвал по имени! И тут понимание обрушилось на голову, точно топор. Трезены? Трезены?! Не может быть! Дикарь нарочно его дразнит! Видно, хочет, чтобы опозорившийся аристократ еще и от страха обмарался.

– Врешь! – запальчиво крикнул старший квестор. – Ты сам уверял: никаких трезенов в округе и близко нет...

– Я соврал. Соврал консулу, – вопреки всем домыслам, дикарь и не думал издеваться. Вздыхнул тяжело и вытер ладонью нос. – Ты пойми: мы тут в ловушке. Они наверняка уже след взяли, выследят нас и придут... уходить надо. И быстро.

– Зачем ты Максиму соврал? И в чем? – в голове не укладывалось! Если б Север отправил их под трезенские мечи, вопросов бы не возникло. Илларию никогда Астигату не верил и не понимал, отчего консул верит. Но Север пошел с ними сам, да еще и признался.

– Зачем соврал? Неважно! – варвар, как всегда, разозлился в миг и, тряхнув волосами, рявкнул: – Но я тут никогда не был, понимаешь? Здесь должно быть укрытие... может быть, пролесок или овраги... эх, да что говорить? Ноги нужно уносить, Илларию!

– Не будем мы бегать, – решение пришло мгновенно. Вот оно – то, чем он свою вину загладит! – Пойдем и разведаем, где трезены прячутся. Вдвоем пойдем.

Астигат как-то странно посмотрел на него, потом протянул почти весело:

– Ты с рождения такой или кормилица уронила? – и прибавил, поправляя пояс: – Бери меч Сильвия, а еще хорошо б ножи...

На разъезд людоедов они наткнулись часа через четыре после выхода из лагеря. К чести соратников, даже Арминий не хотел их пускать... а может быть, за себя боялся? Все-таки четырнадцать воинов – это больше, чем двенадцать, но ведь напади трезены, и преимущество в два человека все равно не спасет! Дойдя до негустого перелеска, прячась в высокой траве, они забирались все дальше на юг, и у Иллария уже не было желания тыкать варвара ошибками и враньем – вот же он, лес! Не указанный на карте – Север перепутал значки, – а в лесу засада, в которую и воины Исмения Лорга угодили, а теперь и квесторы вляпались. Но Илларию, ступив под тень деревьев, выразительно скосил глаза на лонга и покачал головой, а тот в ответ пихнул его локтем в бок. Оба наглумили отчаянно, и это, как ни странно, сближало.

На трезенов они налетели на гребне глубокого оврага – это была идея Севера: все-таки войти в лес и убедиться, хотя б следы стоянок отыскать. Илларию поддержал, иначе тут еще кто-нибудь напорется, в этом не отмеченном на картах лесочке... теперь он дышал лонгу в затылок, молча признав его право идти впереди. Астигат знал лес... Ничего не поделаешь, именно потому и выгодно брать на службу дикарей, и как же жаль, что Север – один из них. Ну вот Сильвий, аристократ Сильвий Аэций, плюнул на родовую честь... да просто потому, что чести нет, вот так! Вновь разозлившись, Илларию пропустил миг нападения, и лишь свист пращи привычно швырнул его на землю. Трезенов было человек восемь-девять – в высоких меховых шапках, вооруженных тяжелыми пращами... о бое и думать нечего! Но вот катиться по камням и сучьям – вниз, с крутого склона? Астигат ему времени на раздумья не оставил. Просто спихнул с откоса, и они покатались, а внизу пришлось ползти, слыша над головой ругань на ненавистном наречии. Когда Илларию уже перестал понимать, куда они ползут и в какой стороне выход на равнину, лонг остановился и молча потянул его за тунику – в четверти рieraх темнела неглубокая нора в откосе. Они забрались туда и вытянулись во весь рост.

– Ждем до сумерек, – губы Севера почти касались его уха, но Илларию было все равно – избитое падением тело нещадно болело, и саднили ободранные о ветки руки. Лонгу хорошо! Привык ползать...

– Не приказывай мне! Я старший квестор, – они лежали так близко, что дыхание смешивалось, – сам знаю, что надо до ночи подождать.

– А то давай ждать не будем, божественный Илларий! – обозлившись, лонг назвал его императорским титулом, и это кольнуло пребольно, хотя откуда варвару знать, что дядя ненавидит его из-за близости к трону? Все ненавидят. – Вылезем – и вперед! Только, знаешь...

Север придвинулся к нему еще ближе и прошептал издевательски:

– Меня-то трезены сразу сожрут. Они нас, лонгов, так ненавидят, что драть не станут. А вот тебя... задницу твою оттопыренную – поимеют запросто. Всей кучей, а члены у них – будь здоров! Хочешь, да? Соскучился по мужику? Тогда вылезаем...

Неизвестно, что решило дело: может быть, полная позора ночь или полный опасностей и напряжения разведки день, а скорее всего, память о благодарном вскрике Сильвия, – рука лонга замерла над его задницей, а Илларий, неловко размахнувшись, врезал соратнику в ухо. И попал, определенно попал! Костяшки занули от удара, но долго торжествовать победу квестору не дали: сверху, на гребне откоса, вновь что-то затрещало – трезены обшаривали пролесок. Север рывком прижал его к себе, навалился сверху и, вдавив тело в пахнувшие летом листья, выдавил глухо:

– Сука! Ну, ты и сука, Каст. Лучше б ты меня утопил...

А потом, будто совершенно забывшись от страха, стиснул ягодицу Иллария, точно клещами, – так они и лежали. И лишь через три часа смогли выбраться из норы и поползти к равнине.

По возвращению в Саунт-Риер Илларий и словом не обмолвился о том, что наглый варвар никогда не бывал на реке Весенна и трезенов они обнаружили случайно, благодаря найденному обрывку кожи, – Северу и без того влетело за не отмеченный на карте лес. Одни Инсаар ведают, отчего старший квестор промолчал. Быть может, потому что Астигат заявил Максиму, будто б они вместе смотрели запруды и те выглядели крепкими, а еще... слишком много хотелось забыть, да не получалось! И разговаривать с Севером он не мог, и даже касаться себя боялся в том месте, где железная ладонь лонга оставила синяк. И изо всех сил сдерживался, чтобы при первом же удобном случае не вызывать на поединок квестора Сильвия Аэция – ведь консул обещал порку за свары. Но из ночи в ночь Илларий слышал возню за пологом палатки, и горечь поднималась со дна души. Страшно терять свое, но еще страшнее оказалось потерять то, что никогда твоим не будет.

Трефола. Первый год союза Лонги

С отбором людей у них вообще страшная путаница выходила. Про самих себя они многое поняли, научились нить, что во время соития между ними возникала, и помимо лужа вытаскивать. Илларий после сказал, что давно удивлялся – ни с кем другим такой связи не было... впрочем, у него и любовников негусто. Север даже хмыкнул, чем вызвал у карвира улыбочку ледяную, и тут же поспешил пояснить: смеется он не над тем, что у консула мужиков было мало, а над тем, какие они оба дураки. Ведь как есть дураки.

Север слышал от стариков – перед первым обрядом своим еще, – что только Ка-Инсаар связь нерасторжимую дает, жар и страсть, отданные нелюдям вместе. У самого вождя, как у многих лесных жителей, обрядовых любовников набралось бы не меньше восьми-десяти, но ни с кем, кроме Алера и Илларию, он не проводил дольше одной ночи, а об обрядовом соитии обычно мало чего помнишь. Илларию кивнул и ответил, что у него обрядовый, выходит, был только один – тот, кто девственности его лишил, и о той ночи он правда мало запомнил. «Да как же ты обряды справлял-то?» – удивился Север. Лар и в квестуре сторонился имперских Ка-Инсаар – это Север хорошо помнил, но не обязательно же насиловать, можно и по согласию! И ляпнул сгоряча: «Я думал, ты в квестуре с кучей аристократов ложе делишь!» Лар аж позеленел и выдал: «Это ты, Астигат, в квестуре аристократов имел как подстилок. Сильвий, Гай... как ты мог с Гаем Арминием спать?! Мерзость!» Вождь даже растерялся на миг. С квестором Сильвием они, и правда, ложе делили долго, но Гай?! Да у него б плоть раньше отсохла, хотя имперец и предлагал. Он хотел все это Илларию объяснить, но промедлил, и консул дверью хлопнул. Север тогда обозлился страсть – не иначе Лар еще и у Брена странностей понабрался, вдобавок к своим собственным! Вечером того дня Илларию напился, что с ним бывало очень редко. Сидел на лежанке, молчал, а когда Астигат присел перед ним на корточки, вдруг ткнулся лицом ему в плечо, зашептал что-то: «Прости, прости», – только это Север от карвира и услышал.

(«Даров не возвращают», глава «Чище первого снега».)

– Прости. Прости, – глухой голос, руку на плече держит, не отпускает. И чего с ним такое, а? Ночь за окном, Брен спит, полегче мелкому. Спальня, неяркий свет лампиров, и они – вдвоем. И с чего бы консулу Касту так надираться и на людей кидаться?

– Лар, ну не кисни ты, а?.. Учти, я тебе не мим уличный, плясать перед тобой не стану. Пойдем в постель...

– В постель? – голову поднял, в потемневших глаза огоньки – опасные огоньки такие. – Был всегда хамом, хамом и сдохнешь.

Чего?! Сам наорал, обвинил неизвестно в чем, да еще и обзывает!

– Мне не до твоей дури. Не хочешь меня, так и скажи. Насильно держу, что ль?

Встать теперь и уйти. Умеет Каст больно сделать, только он один в целом свете и умеет. Но стоило повернуться, как консул вскочил с лежанки, и в тот же миг Север растянулся на меховом ковре – подсечка была точной.

– Дури? Сам не можешь мимо мужской задницы пройти... а меня обвиняешь... да мне никто не был нужен... вот тебе – да!.. Всех, до кого дотянулся, поимел! И плевать тебе было... а я... ну и гадина ж ты, Север!

И все это – скороговоркой, с тяжелым выдохом, и лицо побелело. Вздернул на колени, толкнул к лежанке – Север даже не сопротивлялся, так обалдел. Вот напился-то Илларию, никогда таким не видел! А сумасшедший придавил его своим весом, сдернул с него штаны и как выплюнул:

– Ты сейчас получишь сполна! За реку Весенну получишь, – надавил на поясницу, заставив зад приподнять, и собственную тунику задрал, – за вранье! За блядство... змея белобрыся!

Любовник сунул руку ему ко рту, нажал, заставляя разомкнуть губы. Скинуть его с себя можно, конечно, но... зачем? Хочет же, хочет, и я хочу – только его, единственного. Север облизал оба пальца так, точно это член был, и даже зажмурился. Собственная покорность доводила до безумия. Научился радость видеть в подчинении... Лар научил, никто больше б не смог. И пусть сейчас Иллариий это видит. Запомнит, тогда, может, и дергаться перестанет. Смоченные слюной указательный и средний толкнулись в его тело, точно таран в стену, а Север только зубами скрипнул. Не девственник, потерпишь! Долго Иллариий его не растягивал, отодвинулся и сжал ладони на заднице – сильно, жарко.

– Вот так, – в голосе торжество и едва слышное удивление, – пусть следы останутся... как у меня тогда остались!

Навалился и вошел – тягуче-медленно, бережно и жестко – так и нужно. И Север принял плоть любовника, замер, привыкая, а потом ткнулся лбом в согнутую руку и начал задом крутить. Иллариий дернул его на себя, казалось, вот-вот порвет, но боль была короткой. А после – награда. Карвир будто всегда знал, куда касаться и когда... вот и сейчас каждый шрам на его плечах и спине губами перетрогал, а сам толкался все глубже, пока Север не перехватил ладонь Иллариия и не прильнул благодарно губами... вот так, все ближе и ближе, и отступает тьма, замолкает страх. Они вместе – и справятся. Вместе – и поправится мелкий, и не придут за ним нелюди, а если придут... мы вместе! И плевать мне на твою ярость и обиды, карвир, и на свои плевать... только держи меня, крепче держи, ты все едино мой, а я – твой. Тугое, жадное подрагивало в нем, пробивая себе дорогу, Иллариий потянулся, сомкнул кольцом пальцы на его члене и приказал:

– Нечего молчать! – наподдал бедрами, вжался до упора и тут же опомнился. – Прости меня, прости!..

Дурак... ну, дурак же!.. Не видит разве? Север приподнялся, оперся руками в край лежанки и задвигался навстречу любовнику, и сам не знал, стонет в голос или нет... даже если и стонет, то пусть – раз Лару хочется. Нить давно звенела и пела между ними, сметая сомнения и горечь. Пока она жива, мы непобедимы, верно, Лар?

– А ты все-таки дурак... ученый придурок, – Иллариий сидел за его спиной и что-то там плел из волос. Венец, кажется... сам Север сесть побаивался – задница прилично побаливала, все ж таки чаще надо пользоваться, ха! Но Илларию не так часто хочется местами меняться, пусть карвиру хорошо будет. – Я тогда со стыда сгорал, думал, ты догадался, а ты ревнуешь до сих пор.

– О чем догадался? – ишь, угроза в голосе! Чудной он, его Лар.– Что ты последняя бестолочь, к тому же, наглая? Это я понял, как только первый раз тебя увидел.

– Ну, может, и так, – Север развалился удобнее, от удовольствия чувствовать спиной гладкость карвировой кожи вздохнул тихо, – да только я ж почему тогда Максиму соврал? Потому что тебя этот... как его?.. Исмений Лорг лапал. И не отрицай, тебе нравилось! Больно же! Не дергай!

Иллариий рванул его за прядь, потом ткнулся лицом в затылок, шишку приличную наверняка набив, и чуть только не взвыл:

– Надо Квинту рассказать!.. Исмений, значит, меня лапал? И потому ты нас под трезенские мечи погнал? А ты Сильвия... и потому Весенна... ох, Север, если б ты знал!..

И чего гогочет, сумасшедший? Квинта еще своего приплел, мать его, Иварийского... ну погоди, Лар, вот сейчас отдышусь, и я тебе!..

The End